

Открытка

*Такую заводят пластинку
весь город плывет и цветет
сквозь вечер отрадный и тихий
прохожий как время идет*

*обратно где помнят и любят
с балкона из детства зовут
и юные майские люди
по птичьему праву живут*

Адонаи

Поэма

Часть первая

1

Его попутчик сойдет глубокой ночью в Арзамасе. Простятся коротким рукопожатием, через две минуты поезд тронется. В одиночестве Петр наконец развернет на полке матрас и неторопливо, по-бурсацки аккуратно расстелет постельное белье. Он снимет подрясник и повесит его на плечики у двери. Припадая на правую ногу от покачивания, подрагивания несущегося сквозь ночь спального вагона, и всего длинного состава, и насыпи под ним, да и самой сырой земли, по которой проложен его железнодорожный путь, Петр выйдет в коридор и похромает в уборную. По возвращении мягко захлопнет дверь купе, опустит защелку. Устроившись на полке, заведет, как всякий раз перед отходом ко сну, наручные часы. Наружные — так вот оговоришься однажды и навсегда запомнишь. Нельзя, пока его самого не будет, нельзя, чтобы кончилось время здесь, снаружи — на границе двух сред, над поверхностью воображения. Нельзя, иначе распадутся в прах, иначе исчезнут скрепленные потоком минут образы и формы — и тогда очнешься утром в гулкой пустоте. Как в доме под снос, из которого все съехали и всё свезли.

Тебя одного забыли.

Подтверждая напоследок существование мира, отец Петр окинет взглядом тесное купе. Тусклый свет лампочки в изголовье, висящее у двери одеяние, большое зеркало, начищенные туфли на полу, чуть съехавшая вышитая салфетка на столике, телефон, две початые пластиковые бутылки с водой. На этих сваях ему воссоздавать купе утром. Он вспомнит недавний разговор с молодым соседом. Юность резка и категорична в своем требовании ответов, для нее равно неприемлемы что софистика, что диалектика. Он и сам был таким же — тридцать лет тому назад. Или, как в фильме-сказке, триста. Коротая вечерние часы в купе вдвоем с батюшкой, о чем еще пассажиру потолковать с ним, как не о смысле и предназначении?

Да вот, читаю, скажет юноша, подняв глаза от телефона. Книгу жизни — новости в каналах. Осуждаете? Он усмехнется. Ну так это о нашей жизни, о нашем времени хотя бы, а не об ископаемых ваших ценностях. С чего мне интересоваться написанным сто, двести, тысячу лет назад — другими людьми, в других вообще реалиях. Смысл? Книги мертвых — макулатура, я хочу читать книгу живого.

Как он задорно пылок, этот мальчик.

Либо смысл есть во всем, либо ни в чем нет. Разве не так?

Вон птица летит за окном. Капли по стеклу стекают. И что?

Бутылка воды стоит — в чем ее смысл?

Так не бывает, добродушно подумает отец Петр, одна звезда не падает дважды. Но теперь, на третьем-то вопросе, наверное, можно и ответить. Или спросить в ответ. Разве не в том, чтобы понять, что вода принимает форму пластиковой бутылки?

Помедлив еще, отец Петр откинется на спину, ляжет, принаравливаясь к перестуку вагонных колес, привыкая к доступному ему пространству, устраиваясь. Будто бы пробуя заранее обжиться в недолгих оставшихся часах железнодорожного сна. Он попытается вытянуться на полке, так чтобы каждая из шестисот с лишним — мудреное, конечно, устройство! — каждая из шести с половиной сотен мышц тела, от самой могучей до самой крохотной, полностью расслабилась. Однако геометрию не обманешь: ноги, как и всегда, не сойдутся в длине с полкой. Опять эти несколько чрезмерных сантиметров росту. Что ж, значит, он повернется на бок, спиной к переборке. Отец Петр подумает о другом мальчике — таком же и совсем другом, — вчера спозаранку стоявшем перед ним в сельской церкви. Может быть, и тот будет ехать куда-то нынешней ночью. К своей семье, к неизвестному своему будущему. Вдох, вдох, выдох. Не убоишися от страха ночного. От стрелы летящая во дни. От вещи во тме преходящая. От сряща и беса полуденного. Гася свет, коротко щелкнет

тумблер — и купе схлопнется в темноту, как раковина двустворчатого моллюска. В руки твои передаю дух мой. Благослови, и помилуй, и даруй жизнь вечную. Вдох, вдох, в... второй тьмой, мертвецкой, уже внутри, уже в глубине, опустятся веки.

Ночным скорым поездом отец Петр Вяхирев едет в Москву к матери своего сына.

Каждый год на протяжении последних десяти лет он на один день приезжает к Жене. Ежегодно седьмого июля. Впрочем, даже не на день — на несколько часов, потому что тем же вечером уезжает обратно.

Однако в этот раз он едет в Москву в ночь на шестое. На шестое, на сутки раньше обычного.

Они встретились двадцать восемь лет назад. Петр учился на заочном отделении и приезжал в столицу на сессии. Конец июня выдался в том году прохладным. Он увидел ее на соседнем эскалаторе в метро, когда спускался на «Новослободскую». Она — невысокая, изящная, легкий загар, свежесть в распахнутом плаще — поднималась вверх. Он успел увидеть лишь самый краешек ее облика, эскиз: думал тогда о чем-то своем, а вскинув глаза, ухватил уже только по касательной — профиль, а затем русые кудряшки, ниспадающие на плечи. Перемахнуть бы ему через балюстраду, стремглав взлететь, обжигая пятки, за своим воображением! Но он — пока выворачивал голову, пока одна лампа, другая — сразу не решился. Спустившись вниз, Петр, конечно, тут же рванул на обратный эскалатор, прыгал через ступеньки, впопыхах вылетел в вестибюль, на улицу — а ее нигде не было.

Все мы прекрасно знаем, что после такого люди никогда уже не встречаются. Память, падчерница вымысла, некоторое время по инерции лелеет беглый, едва уловимый образ, но чем дальше, тем больше образ этот тускнеет, истаивая наконец до полной прозрачности и неразличимости. Мирно растворяется в забвении. Сколько всего не сбылось в нашей жизни — в скольких жизнях не сбылись мы сами.

Однако Петру довелось встретить его мечту еще раз — спустя пять дней, в начале июля, перед

самым своим выездом из общежития. Евгения, оказалось, жила неподалеку, и они столкнулись лицом к лицу на пешеходном переходе. Петр занемел, но не смолчал. Она ответила, что не знакомится с прохожими, тем более на проезжей части, тогда он повторил, что завтра уезжает домой, и спросил ее адрес. Машины объезжали их, раздраженно сигналив.

— Пишите до востребования, — рассмеявшись, сказала она и быстро продиктовала номер почтового отделения и фамилию.

Махнула рукой то ли ему, то ли зеленому человеку со светофора.

Петр слал письма до востребования на имя Евгении Геденовой целых полгода — ответных не было ни одного. Но возвратов тоже не было. А когда он написал, что в конце января приезжает на зимнюю сессию, и предложил ей встретиться, она согласилась.

Осенью они поженились. Перед свадьбой Петр сообщил невесте, что история их отношений вообще-то на пять дней длиннее, чем она думает. Рассказал, разводя руками, о том, как он чуть было не потерял ее навсегда и как чудачка судьба снисходительно дала ему второй шанс.

— Петя... Я тогда летала на юга. — Женя усмехнулась. — На две недели. И вернулась я ровно в тот день, который мог стать последним в моей безумной жизни. В тот день, когда один сумасброд никак

не давал мне проходу по зебре и заставил стоять на дороге под красным светом.

После регистрации брака она уехала с мужем к нему в райцентр.

Петр был моложе Жени на четыре года. Семья приняла его избранницу настороженно: москвичка, старше мужа, себе на уме, легкомысленная. Вскоре они стали снимать квартиру. Мир быстр, думал Петр, и едва уловим. Но теперь у них появился свой дом — это было хорошее место, хороший способ замедлить мир. А главное, мир теперь существовал лишь для них и менялся только с их участием: они сами обитали его, согревали его, осваивали. Петр устроился в школу преподавать историю и «общество»; Женя взяла английский сразу в двух. Плюс репетиторство. В городке было три школы и полторы сто́ящих англичанки, а Евгения Матвеевна оказалась ни много ни мало, как выпускницей московского иныаза. Диплом она получила обычный, синий, — но диплом настоящий, честный, купленный ею за кровь и за бессонные ночи. И омыт он был в свое время не шампанским, а ее горячими слезами.

По выходным Женя ходила на почту звонить маме.

— Письма — это вообще не мое, — сказала она сразу, — это какая-то лабуда, самодетельная литература. Ну что я могу сочинить? Я жизнемечтатель, а не жизнеописатель.

На каникулы они уезжали в деревню в десятке километров от райцентра, жили там в старом, но еще крепком бабушкином доме. Места эти Петр знал

сызмальства. Они подолгу гуляли по лесным тропкам, слушали птиц небесных, мчались волчатами домой к обеду, легко дремали, обнявшись. Что может быть на свете чудеснее объятий!.. Вечером вместе катались они на лошадях из соседской конюшни, что держал дядя Илья Аврамов. На закате бегали купаться на большой пруд, возвращаясь тишком под фатой поземного тумана.

Время останавливалось подле них, чтобы полюбоваться ими.

Бабе Уле невестка пришлась по сердцу.

— Енюша, лапушка, — говорила она тепло, — не сиди ты за полночь за книжками своими, береги ясны глаза.

Качала головой, глядя на входящую во двор после утренней пробежки Женю:

— Внук у меня богатырски давит топчан до обеда. — Баб Уля рассыпалась мелким смехом. — А внуца ни свет ни заря кобылкой по зеленым лугам скачет.

Любила гладить длинные, густые светло-русые Женины волосы:

— Ах, золотце, кабы от тебя досталась и моим правнукам этакая-то красота, а не жалкое их вяхиревское мелкотравье!..

Однажды ночью, тревожно проснувшись, Петр увидел за приоткрытой дверью, как бабушка молится в красном углу. Закрыв глаза, чтобы не мешать ее тихому предстоянию. Он понимал, что

с самого начала кротко хотела ребенка и Женя. Безо всяких ее слов ясно видел он в ней смиренное, но упрямое ожидание материнства. Прошел год, и другой, и третий. Ей было уже почти тридцать. Никак у них с этим не получалось.

Однажды в конце весны, в теплых сумерках возвращаясь из школы после второй смены и силовой тренировки в спортзале, Петр вдруг обнаружил, что остановился у недавно восстановленной церкви. Раньше в райцентре был только один действующий храм. Как заново отстраивали этот, Петр отчего-то совершенно пропустил. Он решился заглянуть на огонек. Стоял чутко в тишине и в стороне, в полусвете, испытующе разглядывая здешнюю свечную и лампадную жизнь. Божьи люди и ангелы мягко смотрели на него со стен. К Петру вышел на амвон добродушный пожилой батюшка, поинтересовался, что же привело сюда гостя. Он долго и внимательно слушал Петра, изредка подсказывая, поддерживая разговор.

— Ты же за ответом пришел сюда, за советом? — ласково сказал наконец иерей. — Так ведь Господь снаружи советов не дает, только изнутри.

— Какой же тогда смысл в этом вот во всем? — с внезапной запальчивостью спросил Петр, обводя рукой пространство храма.

— Какой?.. — На миг батюшка задумался. — А ты в руку свою взгляни.

Петр опустил взгляд, в руке он держал литровую бутылку с водой.

— Это просто вода, — сказал он. — И что?

— Не вода, не вода, а бутылка, — поправил батюшка. — В ней какой смысл?

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru